
6 кругозор 70

ДЕЛЕГАТЫ XVI СЪЕЗДА ВЛКСМ:

Виталий Чузов, председатель колхоза «Идеал» Удмуртской АССР:
— Что мне дал комсомол? Очень многое. Главное — я понял, что такое коллектив и какими делами можно ворочать, если трудиться и думать сообща. Коммунистические идеалы, моральные принципы нашего общества воплощаются в большом и малом.

Людмила Чурсина, народная артистка РСФСР:
— Встречаясь с делегатами съезда, моими сверстниками, я ближе узнаю их помыслы, глубже проникаю в жизнь молодежи сегодняшних дней. Мы наследники духовных ценностей социализма.

Валентин Бурков, капитан-директор траулера «Новая эра»:
— Боевое дело нашей организации? Два года мы держим первенство в соревновании, у нас самая большая по управлению сверхплановая прибыль. Но мы знаем: предстоит сделать еще больше...

Георгий Антон, секретарь Новоаненского райкома ЛКСМ Молдавской ССР:
— Этой весной на наши поля и фермы пришло 320 трактористов, 190 мастеров машинного доения. Таков итог «механизаторского всеобуча» — пополнение рабочей гвардии.

Татьяна Симонова, рабочая ярославской обувной фабрики «Скороход»:
— Чем знаменателен для меня этот год? Меня приняли в ряды КПСС. И каждый день, каждый час я помню об ответственности человека с гордым именем коммунист.

29

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ!

5 ПЕСНЬ О РОССИИ

Виктор БОКОВ

Рисунки А. Брусиловского

•

Россия! Твой гений — природа,
Разлив широты, доброты,
Источник отваги народа,
Премудрости и красоты.

Россия! Веселые реки,
Гармоники, девичий смех,
Твоя одаренность — навеки,
Твоя окрыленность — для всех.

Россия! Цвет яблонь весенний,
Синь нежно цветущего льна,
Певучий рязанец Есенин,
И звездный Гагарин — она!

Россия! Ты дерзость и смелость,
Замах на большие дела.
Тебе и тогда даже пелось,
Когда ты бедняцкой была.

Россия! Рассветы и росы,
Луга и озера в дыму,
Ты нынче решаешь вопросы,
Каких не решить никому.

•

Будь такой же хороший,
Какой ты в стихах! —
Мне сказала девчонка
Одна впопыхах.

И ушла. И остался
Один я в лесу.
И с тех пор все какое-то
Бремя несу.

Всю поэзию я
Проверяю судьбой,
Каждый стих, как солдат,
Закрываю собой.

С той поры я пишу,
Как живу и дышу,
Словно клятву
Какую-то в сердце ношу.

Где ты, девушка?
Где? И в каком ты краю?
Я всю жизнь выполняю
Лишь просьбу твою!

ОСЕННИЙ МАЖОР

Осенним дымком потянуло. Картошку копают.
Как синие птицы, костры за кустами.
В роскошестве красок леса утопают.
Звенит синева беспредельная звоном хрустальным.

Земля уродила. Хоть лето холодное было.
Дождями холодными май отличился.
Погода прогнозов не слушалась, очень грубила,
В июне мать-мачехой были все первые числа.

В июле ко мне привязалась простуда.
Замучил бронхит. Я ходил к терапевту.
«Вам в городе плохо, бегите отсюда!» —
Настаивал доктор мой авторитетно.

И я убежал.
Очутился в березах и соснах,
В глуши подмосковной, у Сетуни-речки.
И стало в сосудах моих кровеносных
Светло и тепло, как в деревне у печки.

Мне август принес и здоровье и счастье,
Он силы вернул мои наполовину.
И стал я со звонкою рифмой встречаться,
Как Пушкин обрел свою няню Арину.

В лесной моей комнате лес зашумел белоствольный,
В нем дятел размеры стихов выбивает.
И падает лист — календарь мой настольный,
Стремительно лето уходит, и день убывает.

Летят журавли и печальные песни роняют
В размятый суглинок и в желтую вязкую глину.
Все чаще дожди небосвод заслоняют,
Но плакать не надо, а надо настраивать лиру.

Сквозь изморось солнце сумело пробиться,
Меня увидало, и вот уж дана директива:
Не смей унывать. Ты обязан трудиться!
Заржал мой Пегас и ударил копытом ретиво.

ПРО КОЧЕРГУ

Жизнь моя оборвется однажды,
Прекратится чудесный мой сон.
И не будет меня среди граждан,
В списки новые буду внесен.

Что теперь мне прикажете делать?
Гроб заказывать смоляной?
Иль среди незасватанных девок
Гладить чей-нибудь волос льняной?

Иль садиться за воспоминанья:
Там-то был я, туда-то летал,
Всеми знаками препинанья
Образованных удивлял?

Да отстаньте вы, мемуары,
Не желаю я вас и врагу.
Я пойду в скобяные товары
И куплю себе кочергу.

И уеду в село Висковатка,
Где туманы и чернозем.
Ждет нас милая белая хатка,
Дверь раскроется, мы войдем.

Будем русскую печку затапливать,
Будем уголья выгребать.
Не с таблетками же, и не с каплями,
И не с грелками погибать!

ЗВЕЗДЫ, ДОБЫТЫЕ В НЕБЕ

Звезд много. 62 — на фюзеляже истребителя «Лавочкин», ставшего теперь музейным экспонатом. Три золотых — на груди коренастого человека в генеральском кителе. И еще — по две на каждом погоне. Эти звезды — высокая мера признания Родиной заслуг ее верного сына.

Обладателя звезд можно увидеть на сессиях Верховного Совета и за штурвалом новейшего военного самолета. На съездах партии и среди друзей-космонавтов. Он обучает молодых пилотов летному мастерству, в паводок бомбит с вертолета ледяные заторы, помогает вызволять рыбаков, терпящих бедствие. Имя известно всей стране: трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб.

Иван Никитович родился в селе Ображеевка на Сумщине полвека назад. Двадцать три года спустя в небе над Курской дугой старший сержант показал умение советского аса. 800 фронтовых дней — до Берлина, 330 боевых вылетов, 120 воздушных схваток, 62 сбитых самолета. И — ни одного случая, когда бы летчик не посадил свою, пусть даже подбитую машину на родной аэродром!..

Однажды в пятом за день боевом вылете напарник Кожедуба, увлеченный преследованием врага, оторвался от своего комэска. Сразу же к «Лавочкину» ринулись четыре «Фокке-Вульфа-190» и зажали его в «клещи». Казалось, печальный исход предрешен: почти не бывало случаев, чтобы летчик вырвался из подобной ситуации... Но Кожедуб, увертываясь от трассирующих очередей и отвечая огнем, заставил гитлеровцев позорно ретироваться: они не выдержали напряженного темпа схватки. И когда командира полка спросили, какими качествами должен обладать летчик-истребитель, чтобы совершить то, что удалось в тот день Кожедубу, он ответил: «Качествами Ивана Кожедуба!»

В жизни каждого человека есть моменты наивысшего взлета духа и воли, когда с особой силой проявляется сплав всех лучших качеств, всех черт характера. В жизни бесстрашного воина, убежденного коммуниста таких мгновений больше. В жизни военного летчика это школа особого мастерства, где исход сражения решает не одна только смелость. Изучая повадки противника, навязывая ему свое решение, Кожедуб вел бой так, как было выгодно его группе. В нем жила упрямая уверенность, что он всегда в критическую минуту сумеет опередить на какой-то миг противника. Неуловимые мгновения слагались в подвиг.

12 октября 1943 года. Идет сражение за Днепр. Подразделение Кожедуба сделало несколько вылетов, командир с напарником сбил две вражеские машины, летчики устали. Но приказ: поднять эскадрилью на прикрытие переправ. Вдали показались пикирующие бомбардировщики. Эскадрилья атакует фашистов, которые спешат освободиться от бомб, чтобы налегке удрать восвояси. Однако флагман пытается прорваться к переправе. Кожедуб устремился к нему. Дистанция сокращается. Одна, вторая очередь, и меченная паучьей свастикой машина загорается. Но и Кожедуб чувствует: что-то неладно с его истребителем. Осматривает плоскости. С правой стороны из бензобака выбивается огненная струя: горит бензин. Пока не поздно, надо прыгать с парашютом. Летчик быстро открывает фонарь, отстегивает привязные ремни и вспоминает: внизу территория, занятая врагом, до своих — километров двадцать. «Нет, живым не дамся». Он ищет подходящий объект на земле. Впереди — село, в овраге поодаль — вражеские танки. Из домиков выбегают гитлеровцы. Стремительно нарастает земля, уже видны лица фашистов, разбегающихся от горящего самолета. И вдруг — неожиданное: у самой земли мощный поток воздуха срывает пламя на крыле. В тот же миг приходит новое решение, и самолет, едва ли не рубя винтом головы оторопевших гитлеровцев, проносится над ними и бреющим полетом уходит к Днепру. Спохватившийся враг начинает бить из зениток, но уже поздно. Кожедуб над своей территорией, он напевает: «Ой, Днипро, Днипро». Теперь можно и покинуть дымящийся самолет. Но жаль боевую машину, не раз выручавшую в бою. Пилот «дотягивает» до аэродрома.

Это был обычный фронтовой день, и прошедший бой не отметили очередной наградой. Только еще одну звездочку нарисовали техники на левом борту отремонтированного «Лавочкина»...

После войны И. Н. Кожедуб закончил две академии, командовал крупными соединениями.

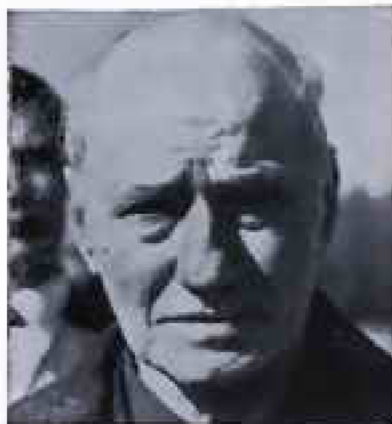
— Не могу без неба! — признается он.

Валентин МАНИОН

Фото Л. Лазарева

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

ХАТЫНЬ

В области архитектуры Ленинской премией 1970 года отмечен мемориальный комплекс «Хатынь», созданный группой молодых белорусских архитекторов: Ю. М. Градовым, В. П. Занковичем, Л. М. Левиным — и скульптором, народным художником Белорусской ССР С. И. Селихановым. «Хатынь» — это памятник не только человеческим страданиям, это гимн жизни, возрождающейся на свободной земле. Вечный огонь, зажженный как память о погибших, и рядом с ним три растущие березки, символизирующие жизнь, стена с названиями возрожденных из пепла деревень раскрывают идею несломленного духа советских патриотов.

Георгий МАРКОВ

На левом верхнем снимке — кузнец Иосиф Каминский, единственный оставшийся в живых.

Хатынь. «Пусть скорбь и печаль обернутся в мужество и силу».— призывают погибшие.

Фото М. Муразова

...Беломраморные кубы с бронзой километров...

5... 4... 3... 2... 1...

И как выстрел, как боль в сердце, открылась

ХАТЫНЬ

— Ой, земля-землица, кто же тебя спалил-позорил?

— Каты лютые, вороги проклятые.

— Ой, небо ясное, небо синее, кто же тебя закрыл дымом-полымем?

— Каты лютые, вороги проклятые.

— Ой, люди-людички, кто же вас пожег-побил до смерти?

— Каты лютые, вороги проклятые...

...Стоит старый. Словно дуб могучий врос в землю корнями ног, вперил безумные от горя очи в небо. Окаменел. А на руках — сынок... Отзвенели колокольцами одиннадцать его годков, оборвались... Ой, небо-небо...

Вышел старый из сожженной деревни, вынес боль свою людям, да только никого в живых не осталось изо всей деревни его. Все легли в спаленную землю. Все. Ой, люди-люди-и-и...

За спиной его печные трубы стоят. Черные от пожара. Вот и все...

А вокруг березы молчат. И колокола на пожарищах звучат высоким голосом. Ой, как звенят...

3

Я стою у памятника, и колокольные вспышки рвут тишину. И сердце бешено обгоняет удары колокола, бьется уже у самого горла.

На месте каждого подворья чернеют камнем нижние венцы срубов. Здесь стояли хаты. Здесь стояла Хатынь... А сейчас только печные трубы тянутся к небу, для того будто, чтобы слышали боль эту и гнев далеко-далеко по всей земле. И чтобы прокляли люди на веки вечные войну. И тех, кто принес на эту землю и зверства и муки.

И на каждой трубе печной — имена:

КАМИНСКАЯ АДЕЛЯ
КАМИНСКАЯ ЯДВИГА
КАМИНСКИЙ АДАМ, 15 лет
КАМИНСКИЙ МИША, 1 год
КАМИНСКИЙ ВИЛЯ, 11 лет
КУНКЕВИЧ АНТОН

Сто сорок девять имен. Сто сорок девять...

Ой, люди-людички, кто же вас пожег-побил до смерти?..

«Мир
в веках не помнит
таких злодеяний.
На всей
нашей земле
фашисты построили
чудовищные лагеря смерти.
Люди погибли в них
непокоренными,
с твердой верой в победу
матери-Родины».

Это надпись на «Стене памяти». А из черных амбразур ее в упор стреляют слова:

«ТРОСТЯНЕЦ. В ЛАГЕРЕ СМЕРТИ УНИЧТОЖЕНО 206 500 ЧЕЛОВЕК».

«ГОМЕЛЬ. В КОНЦЛАГЕРЕ УНИЧТОЖЕНО ОКОЛО 100 000 ЧЕЛОВЕК».

А стена длинная-длинная... И амбразуры чернеют. Ой, и сколько ж их!

А перед «кладбищем деревень» в бронзовой чаше бьется, трепещет огненная птица. Как память. Память о тех, кого унесла война.

И три белые березки рядышком. Четвертой нет. Как нет каждого четвертого, кто жил на земле Белоруссии. Каждого четвертого... И больше девяти тысяч деревень. Только пепел от них, только пепел... Да звон колокольный...

Здесь навсегда замер тот день — 22 марта 1943 года.

И всегда будет нести старик бесценную свою ношу.

И всегда будут идти люди.

И молчать.

И помнить.

Анатолий МЕЛЬНИКОВ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Хатынь

А вокруг Хатыни — возрожденные из пепла села и деревни Беларуси:

БОРОВКА
ГАЙНА
ДЕНИСКИ
РАТОМКА

ХАВАСЛАХ —

Подсчитано, что до революции высшее образование имели всего только шестнадцать или семнадцать чувашей.

Маленькому народу пробиться к знаниям было почти невозможно. Пословица гласила: «Чувашскую книгу корова съела». Была массовая безграмотность, и лишь единицы, наделенные талантом, поднимались к вершинам, оставляли свои имена в истории не только Чувашии. Достаточно вспомнить известного ученого-китаеведа, друга Пушкина Н. Я. Бичурина, создателя чувашского алфавита Ивана Яковлева, поэта Константина Иванова. У остальных же так и не находила выхода колоссальная тяга к учению, которую я бы назвал одной из отличительных черт нашего народа.

После светлой даты — октября 1917 года — для чувашского народа важна и другая: 24 июня 1920 года. Полвека назад ленинским декретом чувашам была предоставлена автономия и возможность строить свою государственность.

Это было начало неодолимого движения вперед. Ничто не могло остановить народ, ощутивший в себе способность бороться и созидать. Приведу документ, найденный недавно в архивах. Это телеграмма, отправленная В. И. Ленину в декабре 1921 года: «Второй съезд деятелей по народному образованию Чувашской автономной области приветствует Вас, первый гражданин социалистической республики и мировой вождь. Тяжело положение области, но тяжело оно и во всей стране. Голод хочет придушить нас, но силен дух у наших вождей, бодры и мы. Работники просвещения мощной армией идут на борьбу с ним и верят, что со щитом выйдет страна из этого испытания... Да здравствует светлое будущее!»

Несколько лет ведется у нас в республике «Почетная Книга Трудовой Славы и Героизма». И всякий раз, когда появляется в ней новое имя, еще и еще раз хочется пролистать ее страницы.

Первым в Книгу было вписано имя космонавта Андрияна Николаева. Человек, избравший делом своей жизни высокую, нелегкую и почетную профессию, тесно связан с родной республикой, с ее заботами, с ее людьми. Андриян Григорьевич может служить образцом выполнения депутатских обязанностей. Он регулярно приезжает в свой округ, бывает на предприятиях, ездит по селениям, принимает посетителей, ведет переписку с избирателями.

Петр Николаевич Осипов. Заслуженный врач РСФСР и заслуженный деятель искусств. Драматург, один из основателей чувашского театра. Музыкант. Долгие годы работал главным терапевтом республики, был министром здравоохранения. Отметив свое семидесятилетие, он по-прежнему осуществляет и врачебную и писательскую деятельность.

Сергей Александрович Афанасьев. Больше десяти лет назад он, заместитель председателя рай-

ЗНАЧИТ РАДОСТЬ

исполкома, возглавил колхоз «Сеятель». И с какой жадностью этот человек, имеющий за плечами высшее финансово-экономическое образование, продолжает учиться. Как внимательно следит за литературой по агрономии, по сельскохозяйственной технике...

Николай Александрович Королев. Фрезеровщик электроаппаратного завода. Герой Социалистического Труда. Коммунист. Мастер, настоящий художник своего дела. Почти все фрезеровщики, работающие в инструментальном цехе, считают его своим учителем — факт этот был отмечен в приказе по заводу от 4 мая 1963 года.

Я вспомнил несколько имен. В «Почетной Книге» их десятки. В республике — многие тысячи.

Мы празднуем свое пятидесятилетие. Это не только наш праздник. Задача, провозглашенная в 1921 году на X съезде РКП(б),— помочь малым народам «догнать ушедшую вперед центральную Россию» — выполнялась сообща, всей Россией, всем Союзом Советских Социалистических Республик. Москва спасала в голодные 20-е годы чувашских детей. В 30-е годы горьковские рабочие помогали нам строить первые заводы и фабрики. Харьков и Ленинград, эвакуировавшие в годы войны в Чебоксары несколько предприятий, заложили основы высококлассной электротехнической промышленности, которой знаменита сегодняшняя Чувашия, знаменита на весь мир.

Штрихи новой Чувашии — в достижениях этой пятилетки. Началось строительство пятой ступени Волжского энергетического каскада. Открылся Чувашский государственный университет. Выплавлена первая чувашская сталь. Ученые стран СЭВ совещались в Чебоксарах...

Когда-то чуваши не знали подлинного смысла таких слов, как изобилие, здоровье, счастье, подъем. Но уже в 30-е годы один из спектаклей национального театра носил название «Хаваслах», что в переводе на русский язык означает «радость».

С. М. ИСЛЮКОВ,
Председатель Президиума
Верховного Совета Чувашской АССР

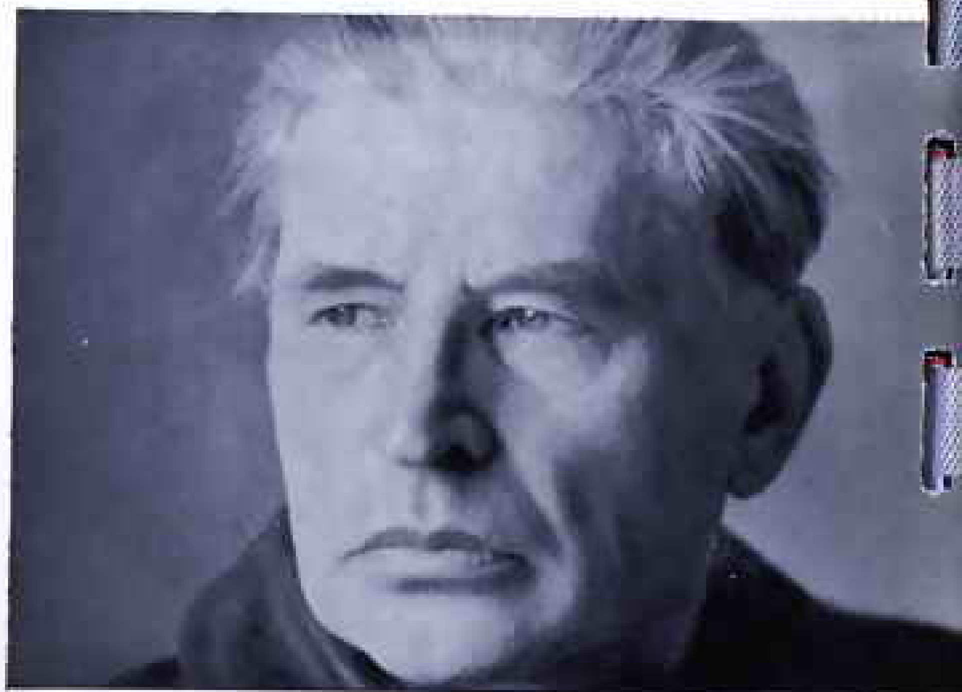
Хроника дня Чебоксар: в Чувашском государственном музыкальном театре — репетиция первого национального балета «Сарпиге»; электроаппаратный завод выполнял заказ автомобилестроителей Тольятти; устремлен ввысь памятник Чапаеву; на фабрике народной вышивки готовили экспонаты для «ЭКСПО-70»; вечером в театре играли премьеру «На берегу реки Аниш»...

Фото Л. Лесных

— Ты все просишь, друг, чтобы, как мы с Иваном Яковлевичем Ковалевым по снегу бежали босиком, на магнитофон записать? Я не против.

Хоть время то и давнее, все помню: и как пушка с подводной лодки стреляла, и как сейф с документами я в огонь бросил. Было дело. На острове «Правда» в сорок втором было. Но только на памяти-то и другого много. Ведь двадцать пять в Арктике!

Ты не спеши, все, что надо, все запишем — ночь впереди. Утром, как откроют аэропорт, так и полетим. Ты — на север, я — на юг. К семье. В Подмосковье. Надо побаловать себя и теплом и семейной заботой. Женился-то я поздно, и с женой познакомились здесь — радисткой она была на станции, на острове Андрея, и дочка, Елена, здесь родилась в пятьдесят первом году, и Петька, сын, в пятьдесят третьем, а я — вместо повитухи. А что сделаешь? Санрейс-то, если вызовешь, пошлют, нарядят. Но пробьется ли самолет? Иной раз так переметет, перепуржит... Да только мы, полярники, все умеем. В тридцать шестом нам основательно науку дали. Да ведь и условия не те были, что сейчас, снабжение хуже. А мы умели и рацию починить и аппендицит, если надо, вырезать. Вот в пятьдесят девятом году грузин у меня один зимовал. Затосковал парень и по небрежности прострелил себе ногу из охотничьего ружья. Кровь хлещет, вижу, дело плохо, пришлось мне самому палец ему на ноге ампутировать. Залил рану перекисью, стрептоцидовой мазью замазал, шлю телеграмму в Амдерму, врачу-хирургу Кравченко. Так и так, нужен санрейс. Он мне в ответ: «Какие приняты меры?» Я опять телеграмму даю: так и так, все по науке. Кравченко мне снова телеграммит: «Обработали рану правильно, необходимости в санрейсе не нахожу».

НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ

РАССКАЗЫ ПОЛЯРНИКА БУДЫЛИНА

Это все несложно. Ответственность на себя принять, за людей, за дело — это тяжело. Помню, в сороковом году на мысе Шалаурова я впервые за начальника зимовал. Шесть человек да четырнадцать собак. На собаках уголь от выгрузки возили. И вот несчастье: побесились собаки, людей покусали — Лузгарева, Лешу Заболоцкого и брата моего Михаила. Я уже рассказывать не буду, как самолет трудно сел: четырехмоторная махина — на наклонную площадку. Забрали людей. Остались мы втроем. А я не сказал, что и меня собака цапнула: больная ли, здоровая? А разве мог я улететь? А станция? А дело? Одна надежда — на породу нашу крепкую. Отец рассказывал, что в империалистическую, чтобы демобилизоваться, он во всех тифозных бараках ночевал — ничего не пристает. А в энциклопедии я вычитал: болезнь на 41-й день проявляется. На 41-й все вроде

обошлось, но месяца через два вдруг рано просыпаюсь: судорога в горле, и кусаться хочется. Ну, думаю, пропал! Взял пистолет, пошел в дизельную стреляться. И тут опять мысль: выстрелю, всех разбужу. Вышел из дома. Солнце! А на пороге петух-куропатка токует, перья, хвост распустил. Жалко мне жизнь стало. Проверю, думаю, себя еще и на водобоязнь. Если бешенство, человек пить хочет, а не может: горло сводит. Вернулся, из ведра попил. Ничего. Но со своими все же опасаюсь оставаться. Продукты взял и ушел. Три дня потом в охотничьей избушке отсиживался. Да мало ли Арктика нам проверок задает?

У меня — четверо: две дочери и сына два. Младший, Алеша, в третий класс перешел, а старшая дочка уже взрослая, закончила техническое училище. Зарплата у полярника, конечно, с выслугой и северными, но ведь и своих хочется побаловать. Потому во время зимовок на охоту хожу, капканы на песца ставлю. И вот как-то на Диксоне белый медведь на меня из пурги вылез. Хорошо, собачка предупредила, да и случилось все возле дома. Я карабин с плеча сорвал, выстрелил, а медведь меня валит. Я думаю: лишь бы сознание не потерять. Тут собачка медведя отвлекла. Дотянулся я до ножа, вытащил из валенка, пырнул. Тот заревел, вроде отскочил. На выстрел напарник из дома выскочил. Темно, метель. Он сразу вверх ракету: стрелять-то нельзя, еще своего поранишь. А медведь опять на меня, видно, голодный. И опять я ножом отбился. В тамбур отскочил, схватил карабин и снова ракету. Опять медведь из пурги идет. Живучий. Мы по нему залпом. А утихло на дворе, отдышались, взяли фонари, пошли по следу. Оказалось, не один медведь в гости приходил — два. Обоих застрелили. Когда с медведей шкуры снимали, и на одной и на другой порезы от моего ножа.

По мне — так Арктика для любого проверка. И женщине здесь мужественное сердце иметь надо. А вообще-то любая женщина проявляет свое мужество. Разве жена моя не скучает?! А я вот думаю: пойду на пенсию, цветы буду разводить. Я каждый год говорю: последний сезон, последний. И снова еду.

Записал С. ЗИНИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

поселок Амдерма

Фото автора

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Мириам Макеба и Гарри Белафонте

В. ПОЗНЕР

О Гарри Белафонте узнали после того, как он прославил «калипсо» — песни, рожденные на Ямайке, где певец провел детство. Мириам Макеба обрела известность, подарив людям песню африканского племени зулу об охоте на льва. Для рекламы этого, наверное, было достаточно: на фотографии Белафонте и Макеба кажутся неправдоподобно красивыми и счастливыми. Их лица действительно прекрасны. Что до счастья — не будем спешить...

В их судьбе много общего. Белафонте родился в 1927 году в Гарлеме — негритянском гетто Нью-Йорка — и с детства столкнулся с расовым гнетом — сегрегацией. Ее ядовитое жало с тех пор так и осталось в нем. Правда, были пять более или менее светлых лет, которые он с семьей провел на Ямайке. До начала пятидесятых годов Белафонте сменил несколько профессий. Он был моряком, традиционно для негра работал официантом, занимался в любительском театре (разумеется, только для черных), а вечерами пел в маленьком ресторане для друзей и любителей народной музыки, пел и на эстраде в одном из нью-йоркских «найт-клабов». К 1956 году он становится самым, пожалуй, известным певцом Америки...

На другом конце света, в Африке, проходила жизнь негритянской девочки из племени ксхоса. Она родилась в 1932 году на окраине Иоганнесбурга в Южно-Африканской Республике, в поселке, где по закону могут жить только черные. Первые 27 лет Макеба прожила в ЮАР, никуда не выезжая, и апартеид был для нее просто-напросто действующим законом. Она начала свою трудовую деятельность с «должности» домашней прислуги. Еще в школе она пела в хоре, потом выступала (разумеется, без музыкального образования) в любительских концертах, на свадьбах и похоронах. Затем судьба свела ее с ансамблем

Окончание читайте на 4-й обложке.

ПЕСНИ МОЕЙ МАТЕРИ

В. КОМИССИНСКИЙ

Всегда оказываешься как бы захваченным врасплох, когда в пути, на наших нескончаемых дорогах, на непредвиденных привалах встречаешь старинную народную песню. Хотя каждый из нас от рождения носит в душе песни дедов и отцов, в житейской суетности мы порой забываем о них. И потому таким впечатляющим становится пробудившееся воспоминание детства, невзначай услышанный знакомый народный напев.

К кубанской народной песне у меня давняя любовь — я родился и вырос на Кубани. И если бы мне пришлось отвечать на вопрос, с чего начинается Родина, я мог бы, наверное, сказать, что для меня она начинается и с казачьей песни. Особенно хороша она в селе, тихим вечером, как бы слитая воедино с полем и небом, с породившей ее землей.

Память людей сохраняет строгие старинные напевы: могучие, как раскаты грома, мужские походные, печальные, как вечер, протяжные, долгие, как кубанские степи, лирические песни. Запись народных песен — дело трудное. Ведь для того, чтобы человек запел, нужен особый настрой души. Всегда бывает трудно склонить певца запеть вот так сразу, перед незнакомым. Но вот он запел, и ты понимаешь, какая это огромная любовь к народной песне.

Краснодар

На 7-й звуковой странице: «Чует, ноет у Машеньки сердце». Исп. участники фольклорного хора села Константиновского Прасковья Дорохина и Иван Дорохин; «Не плачь, не плачь, Лидушка». Исп. народный хор колхоза имени Кирова Краснодарского края, запевает Анна Калядова; «Веселитися, храбрые казаки». Исп. хор казаков Ростовской области, запевает Петр Меркулов.

Комментирует В. Комиссинский. На фото Л. Лазарева: хор станицы Казанской.

СВИДАНИЕ

Виктор ГОНЧАРОВ

Сто лет тому назад леса да болота были здесь непроходимые. По одну сторону реки Ходзь стоял один казачий полк, а по другую — другой. А в этом месте переправа была, отсюда и название станицы — Переправная.

Колхоз носит имя Фрунзе. Земли чудесные, хозяйство огромное. Люди живут в довольстве, зажиточно.

Раньше так говорили:

— Куда едешь, сосед?

— В Москву за песнями!

А я — в станицу. К старинным казачьим песням, в детство свое. И вот поют семь «дедов», как их здесь называют: пасечник Ежин, разнорабочий Кудаев, кашевар Бондаренко, работник сельсовета Попов, ездовой Гордыченко, кузнец Голованов и не совсем дед — слушатель курсов механизации

Белопашко. Он «дитя малое», ему всего-навсего сороковой годочек.

Все семь дедов родились и выросли на земле переправненской. Отсюда некоторые из них уходили на первую мировую и почти все — на Великую Отечественную.

Слушал я, как они поют, и казалось мне, что песни эти не просто когда-то складывались, а что выросли они из того, что мы называем душой родины...

Это моя родина, мои родные места. В диком лесном кустарнике поймали меня однажды мои враги — заречане и привязали к дереву.

— Пусть тебя живьем муравьи сожрут,— сказал Васька Конопатый, злейший из моих недругов.

Случилось так, что на обратном пути с бахчи, на которую набег делался, заречане ко мне не вернулись, потому что за ними была погоня. А меня действительно начали жрать муравьи. К счастью, у соседа нашего телка или коза пропала. И старик оказался в этих кустарниках. Но Конопатого я не выдал, потому что это были наши мальчишечьи счеты.

С Конопатым мы встретились потом, уже взрослыми, на фронте, под самым Смоленском. Рискуя жизнью, он вытащил меня на плащ-палатке из-под самого носа противника и, минуя санбат, доставил прямо в полевой госпиталь. А санбат через два часа попал в окружение. Всех тяжелораненых немцы порешили... Мне бы тоже не миновать смерти, потому что я был очень тяжелым.

После войны никого из сверстников найти мне не удалось. А о Василии Конопатом кто-то сказал: «Миной его прихватило. Умер, не приходя в себя. Мать от бомбы погибла. А батьку фрицы повесили. Весь род война извела...»

Но я почему-то был уверен, что Конопатый не мог погибнуть.

И вот я вновь в местах своего детства. И дома, и улицы новые. У самой развилки памятник неизвестному воину. У этого памятника мы с Конопатым и встретились. Конопатый стоял, опустив голову, а я подошел к нему со спины на расстояние дыхания. Подошел и сказал почти шепотом:

— Это ты, Вася?

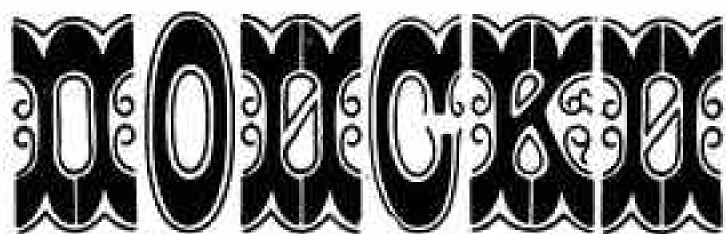
Но человек не повернулся. И с ответом тоже не торопился.

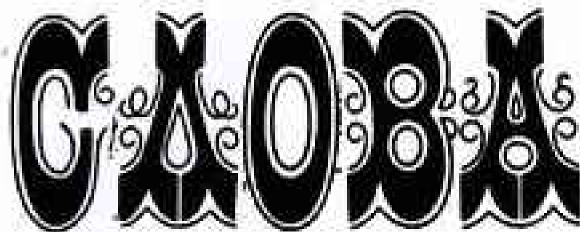
— Да. Я. А это ты, лейтенант?

А в лицо я бы его не узнал: обгорел он на фронте. Лицо стало совсем другим. А глаза те же, только тяжелее и спокойнее.

Все это время он жил и работал в Калуге. Но где и сколько бы мы ни жили, а родными краями все считаются те, где река нашей жизни еще смотрится ручейком.

Янка БРЫЛЬ

ПОИСКИ СЛОВА

Из лирических записей «Стежки, дороги, простор»

Я крепко спал в тепле, так крепко, как может спать здоровый крестьянский парень, который весь день работал на морозе и только что заснул. Старшему брату, который растолкал меня, наверное, досталось бы, по крайней мере немало крику было бы, но он разбудил меня так осторожно и даже радостно, что настроение его передалось мне, и встал я сразу и тихо.

Оказывается, брат привел к нам совсем необычного гостя.

Гость, который в полночь, будто каким-то чудом, очутился за нашим столом, это был первый для нас, влюбленных в книгу, живой, настоящий поэт. Не из книги, а из третьей деревни, за каких-нибудь пять километров. Он уже печатался, мы слышали о нем, сегодня он кухню-боковушку, нехотя моясь над лоханью. Было у меня на уме и другое. Что есть — то уже есть, а что еще будет когда-то — о том знаю я один... Ну и так далее, в подобном стиле, что, разумеется, памятно каждому, кто рано взялся за перо. И наивность, и самолюбие, смешные опытному глазу, а также и что-то хорошее, естественное, без чего не было бы ни поисков, ни веры в самого себя, ни... просто молодости...

Стихи мои были, разумеется, недооценены. Так показалось бы, видимо, и каждому на моем месте. Гость больше хвалил желание писать, советовал то да се, и я принял это вежливо, спокойно, даже вроде бы с благодарностью...

Зачем, печаль моя, такое большое вступление? Нам куда лучше было бы сегодня снова встретиться втроем за столом, вспомнить ту деревенскую полночь и посмеяться — издалека, сквозь осеннюю поэтическую дымку так много пережитого. Не вспомним. Потому что не встретимся. Их обоих уже давно нет. Особенно давно — того нашего гостя.

На торжественный вечер в писательском клубе, посвященный Дню Победы над фашизмом, были приглашены студенты театрального института. Они читали со сцены стихи поэтов, которые погибли на фронтах и в партизанских отрядах...

Юноши, не намного старше того меня, который сладко мучился над тетрадками первых литературных поисков, и особенно милые девчата, которые волновались, как мне казалось, и больше и красивее, чем парни...

Одна из них читала стихи того ночного гостя — Алеся Милютя.

Когда я слушал стихи в исполнении студентов, особенно стихотворение моего друга, которое читала взволнованным голосом молоденькая девушка,— образ Алеся, добродушного, сердечного белорусского парня, скромного и веселого, захваченного всем прекрасным и чистым,— образ этот встал передо мною с небывалой выразительностью. С ним пришел ко мне аромат белой гречихи и привядших покосов, золотистая щетка — стена овсяных комлей над прохладным, старательно подметенным током, тихое и влажное рокотание живого пласта за плугом, запах подталого снега и свежих березовых щепок — все, из чего складывается тот мир, откуда шла и его, Алесева, одержимость, откуда шла поэзия, которая и питала и воодушевляла нас: Колос, Купала, Богданович, Танк.

Я не знаю, как он, Алесь, умер — сразу, убитый пулей или разорвавшимся снарядом, или не сразу — от ран. Под звуки его стихотворения мне представилось до слез понятно и остро, как он бежит по осенней немецкой пахоте, где-то в студеной замгленности Восточной Пруссии, как он — и тут, как всегда, с людьми — кричит, задыхаясь, боевое «ура!». Мой сердечный, всегда не очень здоровый, скорее не солдат, а тихий, любимый сельский учитель. Как он падает, я не вижу: этот бег по пахоте и этот задыхающийся крик — последнее, что мне представляется из его последних мгновений...

На днях ему исполнилось бы шестьдесят лет. Кем он был бы: или взял бы свое как литератор, или, может, стал бы хорошим, любимым детьми учителем, преподавателем литературы? А может, остался бы, как был до войны, в освобожденной Западной Белоруссии скромным сельповским

пришел к родне, в хате которой были как раз посиделки, там читал свои стихи, и там Михась не упустил случая познакомиться. Даже и ночевать привел к нам — от родни.

Это для меня стало ясно позже. Сразу я был просто удивлен. И потому, когда наш необычайный гость, поздоровавшись со мною, тоном приказа и немного заикаясь предложил мне пойти помыться, я сразу пошел, ершистость свою затаив глубоко в душе. Что ж, мне только шестнадцать, а гостю уже двадцать пять. Что же, он уже печатается, а я только пишу. У меня пока что один и читатель, и критик, и издатель — на три года старший брат, который не только иногда переписывает мои произведения своим красивым почерком, а под настроение даже и иллюстрирует их акварелью. Я думал об этом, нехотя идя в

счетоводом? Одно я твердо знаю: в нашем мире было бы еще на одного хорошего человека больше. И как бы любил он родное дело, родное поэтическое слово!.. На том праздничном майском вечере несколько слов об Алесе мне помешало сказать до конца, по-мужски, пушкинское стихотворение, даже не все то стихотворение, а отдельные, очень соответствующие моему настроению строки, которые сами, невольно, как звуки почти неслышимого реквиема, всплыли в болезненно обостренной памяти:

Грустен и весел вхожу, ваятель,
в твою мастерскую...
Грустен гуляю: со мной доброго
Дельвига нет...
Как бы он обнял тебя! как бы
гордился тобой!

Алесь, известно, не Дельвиг, а я, тем более известно, не Пушкин. Дело только в одном. Если бы и он, один из самых близких друзей моей юности, не погиб за тех, что живут, сегодня мне очень хорошо было бы вместе с ним радоваться приходу нового в нашу литературу. Он умел так радоваться. Я знаю его. Я помню ту зимнюю полночь, сквозь тихий, щедрый, но очень уж свойский, уютный свет вновь зажженной в нашей хате лампы, сквозь молодую свежесть холодной воды, которую глаза мои приняли хоть и не так уж сразу, но все же охотно, сквозь даль трех с половиной десятилетий я не просто припоминаю, а выразительно вижу его умную, добрую улыбку, слышу его слова, которые только тогда, только один раз в жизни показались мне суровыми. Да и то ненадолго.

Ты меня так уже, видно, печаль моя, и не покинешь?..

* * *

«Унять старую ведьму!» — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца».

В чем тайны, в чем законы мастерства? Почему казак молодой? Одно бесспорно, если бы ее, старую женщину, ударил не молодой — было бы значительно слабее. Может, и не запомнилось бы так с детства. Ведь я и привожу по памяти.

* * *

Вчера, после нелегкого дня служебной суеты, поздно вечером мне очень захотелось Паустовского... «Золотой розы» не нашел, взял на ночное чтение «Близкие и далекие».

«Самое трудное в смерти для тех, кто жить остался дальше, заключается в том, что они не успели сказать умершему то главное, что чувствовали и думали о нем. Любящие, как всегда, опоздали. Непонятная застенчивость сжимала им губы. И теперь он, конечно, никогда не узнает, как бескорыстна была их любовь».

Так говорил он о смерти, о чувствах других...

* * *

У неписателей, когда им иногда хочется написать что-нибудь, вырываются чудесные, большой ху-

дожественной силы детали, подсказанные жизнью.

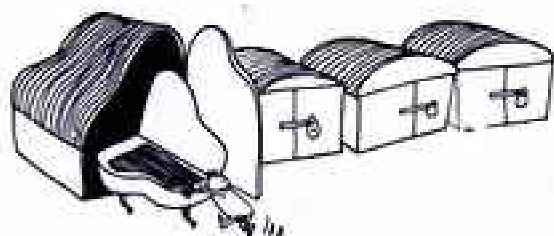
Четырнадцатилетняя девочка несет на кладбище маленького брата. Гражданская война, отца застрелили белые, мать где-то в командировке. «Я завернула его в простыню и понесла на кладбище. День был жаркий но я дрожала вся от холода этого маленького мертвого тельца».

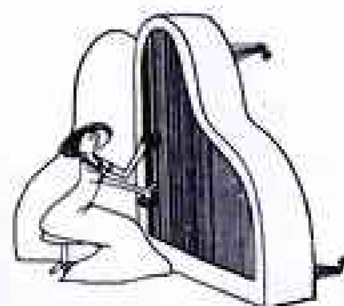
* * *

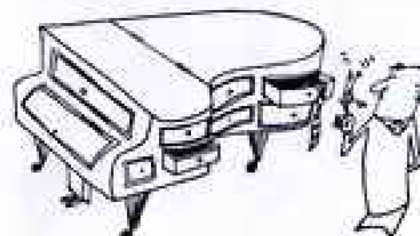
Утром, встав от письменного стола, почему-то вдруг вспомнил, что «Матушка, голубушка, солнышко мое» — любимая песня Пушкина. От этого она еще ближе и краше. К народному чуду подключается весь чудесный пушкинский мир — любовь загорается от любви, свет сливается со светом.

Авторизованный перевод
с белорусского Дм. Ковалева

Музыкальные

истории

Рисунки Е. Шабельника

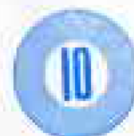
Мы привыкли к тому, что за рубежом часто поют наши песни. Мы не в силах удержать улыбку при звуках знакомой мелодии, исполненной с латиноамериканским или, скажем, англосаксонским акцентом.

Но вот зарубежная исполнительница русского репертуара пленила нас красотой наших песен. Ирина Чмыхова — заслуженная артистка Народной Республики Болгарии, декан эстрадного отделения Софийской консерватории. Сегодня в репертуаре Чмыховой многие современные песни. Двадцать лет назад, когда она только начинала петь, ее интересовали популярные в то время танго и блюзы. И все же самая яркая страница ее творчества — русский романс.

Это не старинные романсы времен Булахова и Верстовского, это и не таборные цыганские песни. Это романсы конца прошлого — начала нынешнего века, современники первых граммофонов, явления тогдашнего музыкального быта. Сплав вольной, традиционно темпераментной цыганской мелодии с бесхитростной сердечностью городского романса под гитару. Лучшее, что было в этом жанре, вызывало не только сочувствие, но и влюбленность Александра Блока, Александра Куприна, Льва Толстого.

СЛЫШЕН ЗВОН БУБЕНЦОВ ИЗДАЛЕКА

Слушая Ирину Чмыхову, воспринимаешь русский романс как целую школу благородства, красоты эмоций, безоглядного рыцарства. Пусть наивны, пусть высокопарно сентиментальны некоторые слова, певица заставляет вас поверить в главное — в то, что сильное чувство, даже неразделенное, даже безответное, прекрасно, ибо оно наполняет жизнь смыслом и содержанием. Чмыхова хорошо чувствует и потому хорошо передает пафос русского романса, в том числе и самого наивного и самого «жестокого», его высокую, подчеркнутую, беззаветную духовность. «Что за страна, у них в оперетке плачут!» — воскликнул французский журналист на концерте легендарного Саши Давыдова.

«Слышен звон бубенцов издалёка...», романс, упоминаемый во многих чеховских рассказах, Чмыхова понимает как искреннейшее изъявление души, отмеченное и тревогой, и нечаянной радостью, и бесшабашной иронией в собственный адрес. «Цыгане шумною толпою...» Здесь актриса словно идет по проволоке: один неверный шаг и... Но безошибочное чувство стиля позволяет Чмыховой и тут остаться на высоте, и тут отыскать поэзию — немного шальную, порой банальную по словам и все же настоящую. Она вовсе не хочет притушить романс, придать ему «приличный» салонный тон. Она не боится ни грусти, ни всплеска чувств, ни широты нахлынувших желаний. Она верит своему эстетическому чутью, своему вкусу, у которого, по сути дела, один принципиальный критерий — искренность. После концерта в Москве Марлен Дитрих сказала, что любит русский характер за то, что ему чужды бесцветные эмоции среднего плана — ни рыба, мол, ни мясо.

Ирина Чмыхова замечательно передает эту черту русской души.

Ан. МАКАРОВ

ВЫИГРАЛИ ПРОИГРАВШИЕ

Позвольте сказать несколько слов о закончившейся недавно звуковикторине журнала «Кругозор». Пластинка-загадка была помещена в 12-м номере журнала за 1969 год.

Как мы и утверждали, выиграли проигравшие все номера «Кругозора» за шесть лет.

Цель журнала — более близкое знакомство с читателем.

Цель читателей — более близкое знакомство с журналом.

Мы получили одну телеграмму и более ста писем от читателей с ответами. Какой главный вывод можно сделать?

Читатели, отвечая на викторину, не руководствовались меркантильными соображениями (непременно получить премию). Иначе все присланные ответы были бы правильными. Тот же факт, что из ста писем правильные ответы содержат только пять, говорит о том, что читатели и слушатели стремились: поближе познакомиться, сообщить свой адрес, отношение к нашему журналу.

Итак, кто стал обладателем подшивки нашего журнала за 1970 год?

1. Афанасьева Мария Федоровна, 68 лет, колхозница-пенсионерка. Город Шарья, Костромской области, ул. Ломоносова, д. 52.

2. Евдокимовы Юлия и Дмитрий. Магаданская область, Тенькинский район, поселок имени Гастелло, ул. Гагарина, д. 15, кв. 5.

3. Смеюха С. М. Одесса, ул. Тенистая, д. 11, кв. 26.

4. Жданова Ольга, студентка первого курса Архангельского педагогического института физико-математического факультета.

5. Мельников П. Т. Москва, Университетский проспект, д. 5, кв. 388.

Поздравляем победителей и прежде всего благодарим проигравших пластинки за их письма, за их предложения, за их теплое отношение к журналу.

Отдельно поздравляем Мануйлова Виктора Николаевича за мужество в его нелегкой борьбе с соседями во время неоднократного прослушивания звуковикторины. Как видно из письма, товарищ Мануйлов вышел из игры, не смог, видимо, из-за этого дать правильных ответов, но зато сохранил добрые отношения в доме и семье. А ведь еще не известно, что лучше.

Итак, викторина окончена. До новых встреч!

С уважением
председатель жюри звуковикторины «Кругозора»
Аркадий АРКАНОВ

Ответы звуковой викторины: белуга, комар, царь-колокол, часы в палатах Кремля, горновосхождение на пик, заточка кос, косьба, торпедный залп, тревога в воинской части, доклад на подводной лодке, капель, птицы, звон обручальных колец, музыкальная шкатулка (неисправная), музыкальная шкатулка (исправленная), неизвестный трубач 19-го века, служба в буддийском монастыре, львица и львята.

ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ РИТМЫ

Одиннадцатую звуковую страницу «Кругозора» можно назвать «Танцы между 50-й и 70-й параллелями». «Голубая ночь», «Полкис» и «Мозамбик» — ритмы, исполненные оркестрами ГДР, Финляндии и Англии.

слушайте в номере

6(75) июнь 1970

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

Год основания — 1964

ИЗДАТЕЛЬ: КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

На первой странице обложки: декоративное панно Л. Чебану (Молдавская ССР) «Свадьба».

Режиссер Н. П. Субботин
Художник О. А. Казнов
Технический редактор Л. Е. Петрова

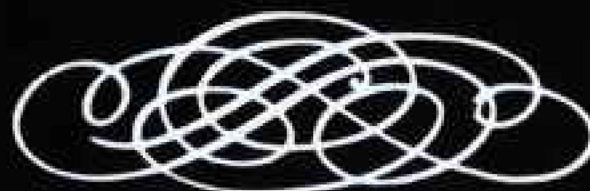
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции: Москва, ул. академика Королева, 12.
Телефоны редакции: 181-79-53, 181-79-48

Б 07496. Подп. к печ. 15/V 1970 г. Формат бумаги 84×108 1/16. Усл. п. л. 1,68. Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 350 000 экз. Зак. 1264. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

УРОК В.В. СОФРОНИЦКОГО

П. ЛОБАНОВ

Накануне вечером Владимир Владимирович позвонил по телефону и попросил заехать. Сразу после работы я направился на Ново-Песчаную. Мы были знакомы давно. В течение нескольких лет я занимался у профессора Софроницкого и, как принято говорить, «по его классу» окончил Московскую консерваторию. Но и после этого наши встречи не прекратились.

— Жаль, что так поздно!.. Мы с утра все распутывали ленту, но у нас ничего не вышло, и пришлось выкинуть ее, — такими словами встретил меня Владимир Владимирович.

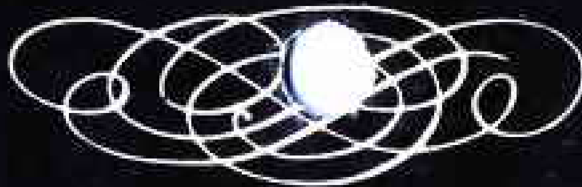
Недавно купленный магнитофон доставлял Софроницкому много хлопот. Из-за неплотной намотки рулоны рассыпались в руках, звук «подплывал», сопровождался тресками и хрипами. И все-таки Владимир Владимирович записывал свою игру в домашних условиях с бо́льшим удовольствием, чем на профессиональной аппаратуре в студии звукозаписи. Непривычная обстановка студии ему часто мешала, в подавляющем большинстве случаев он был недоволен своими записями.

— Вот если бы можно было записывать грампластинки прямо дома на таком аппарате, но в нем все время что-то ломается...

На этот раз в магнитофоне отказала перемотка. Мне удалось устранить эту неисправность, и я воспользовался случаем, чтобы под предлогом проверки магнитофона записать урок Владимира Владимировича со студенткой. За окном шумели и гудели автомобили и троллейбусы, но все эти шумы я услышал уже потом, когда прослушивал запись. А в тот момент меня интересовал только Софроницкий.

Известна была способность этого человека концентрировать внимание окружающих. И она, разумеется, особенно проявлялась во время концерта. «Ваше творчество, — писал Софроницкому А. А. Фадеев, — достигло той высоты, когда к нему уже неприменимы слова «мастерство», а тем более «техника», потому что эти последние достигли такой ступени совершенства, когда их не замечаешь, а только слышишь и чувствуешь Вашу индивидуальность, окрашивающую собой прекрасную, великую музыку».

Разговаривать с Софроницким было интересно. Его высказывания нередко поражали собеседника своей неожиданностью. В этом была какая-то аналогия с его исполнительским стилем пианиста. Слушатели, даже из числа его поклонников, постоянно ошибались в своих ожиданиях, и ошибались счастливо! Там, где,

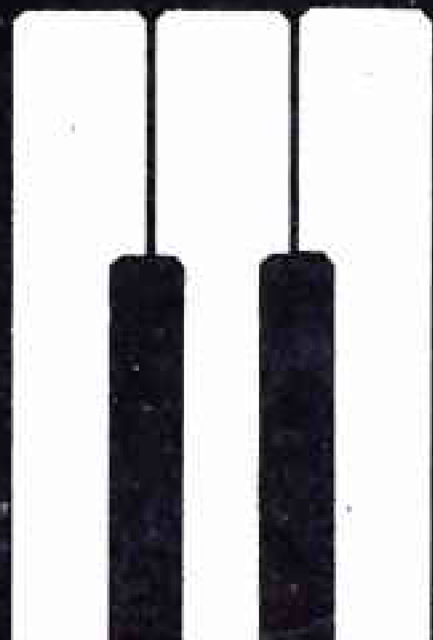

казалось бы, последует продолжительное, спокойное пиано, появлялись острые акценты; где ожидалось равномерное движение, возникало экспрессивное rubato (изменение темпа). Однако сам Владимир Владимирович оценивал свое исполнение несколько иначе, чем это казалось со стороны. Музыка с темповым обозначением «спокойно, без экспрессии» в исполнении Софроницкого воспринималась слушателями как весьма экспрессивная. Такое расхождение можно было бы объяснить тем, что жизненный тонус Владимира Владимировича был всегда высок, постоянное творческое горение было его нормальным, «спокойным» состоянием. И его трактовку, скажем, Скрябина, надо рассматривать сквозь его вдохновенную обыденность. «Сочинения Скрябина, — говорил Софроницкий, — надо играть свободно, иногда взволнованно, может быть, даже нервно, но никогда — нервозно!»

В предлагаемом фрагменте урока Владимир Владимирович, обращаясь к ученице, замечает, что начало прелюдии надо исполнять спокойнее, с меньшей экспрессией. Но послушайте, как он сам играет первую фразу: каждая нота мелодии предельно выразительна! Непрерывное tempo rubato, большое разнообразие динамики. «Спокойно, но не утрачивая свободы» — так определяет Владимир Владимирович желаемый характер исполнения этой прелюдии.

Конечно, сохранившаяся запись может дать лишь самое отдаленное представление о Софроницком-педагоге и тем более — пианисте. Я понимал это и в последующие годы надеялся записать уроки Владимира Владимировича на более совершенной аппаратуре. Но все попытки оказались безрезультатными: очень требовательный к себе и к ученикам, Владимир Владимирович всякий раз оказывался недоволен и просил размагнитить ленту. Вот почему сделанная второго октября 1954 года запись урока оказалась единственной.

Фото автора

Окончание. Начало на 9-й странице

«Черные манхеттенские братья». Так началась певческая карьера Мириам Макебы. В течение трех лет она объездила Южную Африку, побывала в Родезии и Бельгийском Конго. После этого наступил переломный момент.

Макеба спела две песни в фильме «Вернись, Африка», разоблачавшем политику апартеида. Фильм демонстрировался вне конкурса в 1959 году на Венецианском кинофестивале. Гостем фестиваля была и сама Макеба. За два года до этого она обратилась к властям с просьбой разрешить ей выехать из ЮАР, получила отказ и только теперь, приобретя известность, добилась своего. Чуть позже, в Лондоне, Макеба познакомилась с Белафонте. Услышав, как она поет, Белафонте сказал: «Это самый революционный талант в исполнительском искусстве последнего десятилетия». С этого момента имена певцов — на одной афише.

Певцы известны и как общественные деятели. Белафонте был ближайшим другом и сподвижником Мартина Лютера Кинга. Сейчас, продолжая борьбу за гражданские права негров, он выступает против войны во Вьетнаме. В песнях Мириам Макебы часто звучит призыв к освобождению порабощенных народов. «Я африканка, и я черная. Я могу высказать то, что чувствую, только когда пою. Только тогда я счастлива».

Наконец, о счастье. О том обманчиво-рекламном счастье, будто бы передаваемом глянцевой фотографией.

Говорит Белафонте: «По-прежнему повсюду встречаешь беззаконие и несправедливость... Мне 42 года. То, о чем мечталось в 22, так и не осуществилось».

Мириам Макеба: «С тех пор как я вышла замуж за Стокли Кармайкла (Стокли Кармайкл — один из самых активных деятелей борьбы за гражданские права негров в США.— Ред.), меня перестали приглашать на радио и телевидение, неохотно предоставляют залы для концертов... Мне пришлось покинуть родину, потому что я не могла там петь. Возможно, мне придется по той же причине уехать из Америки».

Песни, которые воспроизводит наша звуковая страница, исполняются на языках суахили, исхоса и зулу. Песни гнева и скорби негритянского народа поют Мириам Макеба и Гарри Белафонте.